

А.Е. ТЕРЕЩЕНКО

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ

За минувшее десятилетие вышло в свет довольно много работ, в которых в большей или меньшей степени затрагиваются вопросы возникновения и развития монетного дела на территории Боспора Киммерийского. В связи с этим хотелось бы поподробнее рассмотреть наиболее значительные из них.

Основной, можно даже сказать «программой», по заявленной теме должна была стать работа С.А. Коваленко и В.П. Толстикова «О начале монетной чеканки на Боспоре», опубликованная в №№ 2, 3 журнала «Вестник древней истории» за 2010 год. Однако её содержание создаёт чрезвычайно двойственное впечатление. Так, в первой части даются краткий критический обзор отечественных исследований по боспорской нумизматике раннего периода и небезынтересный просмотр зарубежных концепций о времени зарождения монетного дела на берегах Средиземного моря [Коваленко, Толстиков. 2010. С.31-59]. Вторая – посвящена археологии Пантикапея и его монетному делу [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.23-50]. В качестве положительной стороны исследования необходимо отметить весьма интересное наблюдение авторов о том, что широкое использование в монетных сюжетах изображения львиной головы в фас приходится на рубеж третьей – последней четверти VI в. до н.э. С этого же момента фиксируется и распространение в античном мире эгинской весовой системы, по которой производилась чеканка раннего пантикапейского серебра [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.26].

Вместе с тем, итоговый результат не может не вызывать удивления, поскольку авторы приходят к довольно странному выводу о том, что монетная чеканка Пантикапея могла начаться только в первые годы V в. до н.э. При этом, основной причиной, по их мнению, стала «необходимость финансирования широкого строительства общественных и культовых сооружений, возводившихся с применением наёмного труда, людьми, привыкшими получать оплату именно в звонкой монете» [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.44].

Сразу обращаю внимание на то, что нумизматическая составляющая по Боспору строится исключительно на информации, представленной в сводке

Н.А.Фроловой [Frolova. 2004]. Серьёзной ошибкой такого подхода является то, что и работа Н.А.Фроловой и другие аналогичные исследования были и ещё долго будут, так сказать, «промежуточными». С их помощью можно выявить только тенденции, но не окончательный результат. Кстати, С.А. Коваленко ещё в 2005 году, на основе указанной сводки, попытался определить начало боспорской чеканки путём подсчёта аверсных штемпелей, с помощью которых изготавливались гемиболы (этот номинал присутствует почти во всех пантикапейских сериях) четырёх первых выпусков. Отсчёт вёлся в обратном порядке от «надёжно установленной даты окончания четвёртого выпуска», т.е. – от середины V в. до н.э. [Коваленко. 2005. С.326]. Ещё раз повторю, что все эти заключения основываются только на исследовании Н.А.Фроловой, относительно которого необходимо сказать, что:

а) Определение монет типа «голова льва в фас – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в две выпуклые точки», как четвёртого по счёту выпуска пантикапейского серебра, а также датирование их второй четвертью – серединой V в. до н.э. [Frolova. 2004. S.21] является сугубо личным и пока не доказанным мнением автора.

б) Со времени выхода в свет этой публикации число известных монет ранних пантикапейских серий уже значительно возросло и постоянно увеличивается, более того, открываются новые типы. Таким образом, использование метода подсчёта штемпелей для определения начальной даты пантикапейской эмиссии представляется пока бесперспективным.

В добавление ко второму пункту необходимо сказать, что на сегодняшний день в серии Па-1 «Av: голова льва в фас, на тетартемориях изображение муравья. Rv: вдавленный квадрат неясных очертаний» зафиксировано уже 78 экземпляров. Сравним с 32 шт., указанными Н.А. Фроловой [Frolova. 2004. S.17-18]. Из них драхма - 5 шт., тетробол - 6 шт., триобол - 32 шт., гемибол - 22 шт., тетартеморий - 13 шт¹.

Серия Па-2. Av. – изображение головы льва в фас или муравья. Rv. – вдавленный квадрат, разделенный (или принимающий форму подобного деления) на четыре части. Драхма (пентобол?) - 1 шт., тетробол - 7 шт., триобол - 23 шт., диобол - 1 шт., гемибол - 44 шт., тетартеморий - 4 шт. Итого: 80 экземпляров. Н.А.Фролова включила монеты этого вида в тип I [Frolova. 2004. Taf.1-2].

Серия Па-3. Av. – изображение головы льва в фас или муравья. Rv. – углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека с рельефными таблетками (треугольной или квадратной формы), образующими рисунок, напоминающий

¹ Данные по этой и последующим сериям взяты из регулярно обновляемой сводки «Корпус боспорских монет второй половины VI – первой четверти IV вв. до н.э.» (<http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-91>).

крылья ветряной мельницы (свастику). Драхма - 3 шт., триобол - 62 шт., диобол - 66 шт., гемиобол - 6 шт., тетартеморий - 2 шт. Итого: 139 экземпляров. У Н.А.Фроловой - 65 шт. [Frolova. 2004. S.18-20].

Серия Па-4. Ав. – изображение головы льва в фас или муравья. Рv. – углубленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой – выпуклая точка. Триобол - 6 шт., диобол - 1 шт., гемиобол - 18 шт., тетартеморий - 9 шт. Итого: 34 экземпляра. У Н.А. Фроловой - 14 шт. [Frolova. 2004. S.23].

Серия Па-5. Ав. – изображение головы льва в фас или муравья. Рv. – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в двух из которых, расположенных по диагонали, находятся выпуклые точки. Гемиобол - 155 шт., тетартеморий - 29 шт. Итого: 184 экземпляра. У Н.А.Фроловой - 106 шт. [Frolova. 2004. S.20-23].

Помимо приведённых здесь сведений о случайных находках, у нас имеется чрезвычайно информативный, а, главное, получивший должную фиксацию комплекс, который полностью противоречит дате, предлагаемой С.А. Коваленко и В.П.Толстиковым. Речь идёт об обнаружении в 2007 году, в ходе археологических раскопок Фанагории, клада архаических пантикапейских монет. Из предварительного сообщения В.Д. Кузнецова известно, что 162(!) ранних пантикапейских монеты, находившиеся в ионийском кувшинчике, были сокрыты в стене архаического дома. «Под полом дома открыты остатки более ранней мастерской ремесленника... Амфорный материал датирует мастерскую серединой – третьей четвертью VI в. до н.э.; отсюда следует, что дом с кладом монет сооружён в последней четверти столетия.» [Кузнецов. 2007. С.9]. Ещё в одной публикации указывается присутствие в составе клада монет серии Па-3² [Фанагория. 2008. С.50-51]. К сожалению, этот материал всё ещё находится в обработке, тем не менее у нас есть достаточные основания полагать, что монеты типа «голова льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека с рельефными таблетками, образующими свастику», могли появиться уже в последней четверти VI в. до н.э.

Перейдём теперь к анализу мотива, выдвинутого С.А.Коваленко и В.П.Толстиковым в качестве объяснения предлагаемой ими даты начала монетной чеканки на Боспоре, – необходимость оплаты труда строителей. Само по себе, это положение не вызывает особых возражений, но обратим внимание на любопытную подробность. В частности, согласно наблюдению В.Л. Строкина, около 80-85% находок всех ранних типов боспорских монет происходят с территории Таманского п-ва [Строкин. 2010. С. 454]. На мой взгляд, это явное преувеличение, тем не менее соотношение монетных на-

² Тип II по классификации Н.А. Фроловой [Frolova. 2004. S.18-20].

ходок, действительно, совершенно не в пользу Восточного Крыма. Таким образом, если следовать логике сюжета, необходимо признать, что возведение Пантикапея происходило, выражаясь языком современности, по большей части руками «гастарбайтеров» из Азиатского Боспора.

В принципе, это вполне допустимо, однако возникает закономерный вопрос: была ли пантикапейская община богата настолько, чтобы позволить регулярный вывоз за пределы полиса, по крайней мере, $\frac{2}{3}$ своей монеты (прошу заметить – из драгоценного металла), преследуя при этом цели, весьма далёкие от жизненно необходимых? Думаю, ответ однозначен. На этом фоне версия о необходимости предоставления заработной платы строителям, как возможная причина возникновения боспорского монетного дела, не выдерживает никакой критики. В целом же, данное умозаключение воспринимается, скорее, как очередная версия столь популярного ныне жанра «альтернативной истории», нежели серьёзное научное исследование.

Здесь необходимо более подробно остановиться на публикации В.Л. Строкина, которая посвящена обзору монет из частных коллекций, найденных на поселении Голубицкая 2 (окрестности п. Пересыпь, Темрюкский район Краснодарского края). На основе упомянутого выше наблюдения, исследователь приходит к выводу, что эмиссионный центр анэпиграфных боспорских монет с головой льва в фас находился, скорее всего, на Таманском п-ве.³ Впервые эта мысль была высказана им в 2007 г. [Строкин. 2007. С.370-371] и нашла определённую поддержку у А.А.Завойкина [Завойкин. 2009. С.197-198]. В своей новой работе В.Л.Строкин уже пишет, что «это положение становится поистине незыблемым (sic!), стоит лишь принять во внимание, что речь идёт о полисном этапе существования античной цивилизации на Боспоре, чем подразумевается заведомо локальный основной ареал хождения монет того или иного эмиссионного центра» [Строкин. 2010. С.454]. Данный тезис подкрепляется примерами Нимфея и Феодосии, монеты которых большей частью были найдены на самих памятниках и в их окрестностях [Строкин. 2010. С.454, прим.5].

Вместе с тем, область распространения находок монет ранних выпусков боспорского серебра настолько широка, что впору (если согласиться с мнением автора) говорить о возможности существования крупного государственного образования с центром на Азиатском Боспоре. Так, ранние анэпиграфные монеты были обнаружены в Патрее, Фанагории, Гермонассе, поселении «Волна 4», пос. Пересыпь (Голубицкая 2). Не будем забывать про Керчь и её окрестности.

В то же время, выдвигая оригинальную идею, В.Л.Строкин не подтверждает её фактами, поскольку невозможно считать за таковые декларативное

³ Сам автор склонен считать, что это - Фанагория [Строкин. 2010. С.455].

заявление о том, что ранние монеты «были призваны удовлетворять потребности внутригородского рынка..., а также мелкооптовых торговых операций», к тому же, вынесенное в примечание [Строкин. 2010. С.454, прим.4]. Неоспоримым доказательством справедливости предположения В.Л. Строкина могло бы стать обнаружение в каком-либо из таманских полисов монетного двора, чья деятельность датировалась бы VI - V вв. до н.э.⁴ До этих пор количественное преобладание находок раннего серебра на Азиатском Боспоре говорит только о том, что данные монеты большей частью обращались именно в этом регионе.

Таким же малодоказательным выглядит и мнение А.А.Завойкина, утверждающего, что в условиях экономического превосходства таманского региона трудно найти объяснение лидерству Пантикапея в сфере монетного дела. При этом выражается сомнение в возможности реального товарообмена между Восточным Крымом и Таманью. Как пишет автор, «не хлебом же подкармливали греки Тамани своих единоплеменников Восточного Крыма» [Завойкин. 2009. С.198; см. Строкин. 2010. С.453-454]. Но, как представляется, ирония А.А.Завойкина в данном случае совершенно излишня. Да, именно хлебом, но не «подкармливали», а торговали с Крымом.

Попробуем взглянуть на эту проблему с другой стороны. Почему, в конце концов, именно Пантикапей обрёл главенство на берегах Боспора Киммерийского? Полагаю, вывод достаточно очевиден. Пантикапейцы, оказавшись в худших условиях, чем их восточные соседи⁵, сосредоточили свои усилия не на производстве товарного хлеба, а на торговле им. Именно сложившаяся в Восточном Крыму политическая ситуация определила большую предприимчивость пантикапейской общины, выразившуюся, в том числе, и в чрезвычайно активной внешней торговле.

В связи с этим, необходимо обратить особое внимание на замечательный документ, найденный при раскопках Пантикапея в 2002 г. Речь идёт о дву-

⁴ Предупреждая возможные возражения, должен сказать, что, хотя и в самом Пантикапее до сего дня монетный двор не обнаружен, но в нашем распоряжении имеются монеты с легендой ПА, ПАН, ПАНТ, ПАНТИ, однозначно указывающие на место их изготовления. Отметим, что начало выпуска эпиграфных монет датируется временем не позднее середины V в. до н.э. [Зограф. 1951. С.244, таб. №19,20; Шелов. 1956. С. 211, №7; Анохин. 1986. С.137, №29,30/1; Фролова. 1996. С.59-60]. При непредвзятом подходе к данному вопросу, совершенно очевидно, что аверсный рисунок этих монет – голова льва в фас, типологически восходит к анэпиграфным сериям, которые начинаются с типа «Av: голова льва в фас. Rv: вдавленный квадрат неясных очертаний». Следовательно, рассматриваемые анэпиграфные экземпляры, скорее всего, принадлежат пантикапейской эмиссии, во всяком случае, большинство из них (принадлежность монет с легендой АП и АПОЛ мы пока оставляем за рамками дискуссии).

⁵ Нет нужды подробно останавливаться на политико-экономическом положении Боспора VI в. до н.э., поскольку оно уже неоднократно рассматривалось в специальных исследованиях [см., напр.: Виноградов. 2005. С.211-235].

стороннем граффити, датированном второй половиной VI – началом V вв. до н.э., которое гласит, что «Ипикрат получает пятьдесят статов» [Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе. 2004. С.348-350; Коваленко, Толстиков. 2010а. С.45]. А.Агафонов, подготовивший материал о граффити, предположил, что речь здесь может идти о некоей банковской операции. Весьма примечательно и то, что указанная надпись гораздо старше, нежели другие, достаточно многочисленные документы такого рода, обнаруженные в самой Греции [Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе. 2004. С.348-349]. В свою очередь, С.А.Коваленко и В.П.Толстиков добавляют, что «численный состав мирмекийского клада...свидетельствует, что денежные суммы, подобные указанной в граффити Ипикрата, не были чем-то экстраординарным» [Коваленко, Толстиков. 2010. С.45, прим.65]. Однако, на мой взгляд, самым важным является то, что этот документ характеризует Пантикапей на рубеже VI-V вв. до н.э. как уже полностью сформировавшийся торгово-финансовый центр.

Вернёмся вновь к вопросу возникновения пантикапейской монеты. Как справедливо указывают С.А.Коваленко и В.П.Толстиков, начало собственной чеканки могло определяться различными факторами, как-то: «необходимостью производить государственные выплаты..., оплачивать военные расходы или просто желанием извлечь определённый доход из процесса перечеканки металла в монету... и соображениями политического престижа» [Коваленко, Толстиков. 2010. С.41-42, прим.88]. В этом я вполне солидарен с авторами. Вместе с тем, ни один из указанных пунктов, за исключением, пожалуй, предпоследнего, не имеет ни малейшего отношения не только к Пантикапею, но и не может быть применён для объяснения появления монетного дела в VI в. до н.э. в колониях в целом.

Наиболее адекватным, как представляется, остаётся мнение, согласно которому основным побудительным мотивом, приведшим общину Пантикапея к мысли о выпуске собственной монеты, стала необходимость расчётов с мелкими производителями зерна, основная часть которых проживала на Таманском п-ве [Терещенко. 2004. С.19-20⁶; Смекалова. 2005. С.249].

В связи с вышеизложенным, обратим внимание на тезис, выдвинутый С.А.Коваленко и В.П.Толстиковым, – «вне зависимости от того, копировали ли первые боспорские монеты самосский или милетский тип лицевой стороны, вполне естественно относить начало их выпуска ко времени после появления собственной серебряной монеты в этих малоазиатских центрах» [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.23].

Однако зададимся вопросом, насколько велика вероятность того, что формирование монетного дела Пантикапея происходило исключительно под

⁶ С обновленным вариантом этой работы можно ознакомиться на сайте <http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-86>

влиянием примера упомянутых (или других) греческих полисов, начавших производство *серебряной* монеты с середины VI в. до н.э.? На мой взгляд, посыл весьма сомнителен, поскольку это подразумевало бы откровенное подражание. Вместе с тем, Северное Причерноморье имело богатый опыт создания своей собственной оригинальной денежной системы. Это медные монеты-стрелки Березани (Борисфена) и Ольвии и пришедшие им на смену дельфинчики. По мнению В.А.Анохина, обращение монет-стрелок происходило в период со второй половины VI до начала V вв. до н.э. [Анохин. 1986 а. С.78]⁷. Что мешало Пантикапею пойти по такому же пути, тем более, что подобная продукция была достаточно хорошо известна на территории Европейского Боспора. В частности, при раскопках Мирмекия были обнаружены и монета-стрелка [Виноградов, Тохтасьев. 1994. С.58, рис.4,9], и дельфинчик [Зограф. 1941. С.171, №279]. Находки дельфинчиков зафиксированы и в Нимфее [Голенко. 1974. С.88, №350. Таб.IV, 350; Мельников. 2001. С.433, №15. Рис.2, 15].

Как представляется, в случае с Пантикапеем выбор монетного металла определялся исключительно задачами чеканки и возможностями города. И если подойти к этой задаче сугубо рационально, то становится совершенно ясно, что выбора у пантикапейцев не было: электр – дорого, медь – бессмысленно, поскольку, как уже говорилось, пантикапейская монета предназначалась по большей части для внешнего рынка, т.е. – для производителей товарного хлеба из Тамани и, возможно, Восточного Крыма.

На этом фоне чрезвычайно показательной представляется работа О.Н. Мельникова, посвящённая анализу античных монетно-весовых систем. В результате сравнения весовых параметров нумизматического материала автор приходит к выводу, что «при создании древнейшей монетной системы Боспора был применён эгинский принцип: драхма приравнена к весу серебра привозного статера...г. Кизика» [Мельников. 2010.С.8]. Кстати, О.Н. Мельников насчитывает 11 монетно-весовых систем, последовательно сменявших друг друга в пантикапейской чеканке в период со второй половины VI в. до н.э. по начало IV в. до н.э. Как полагает уважаемый исследователь, это обуславливалось необходимостью «подстройки местного серебра под удобный размен электровых монет г. Кизика, с их меняющимся серебряным и золотым составом, осложнённым непостоянством радио этих драгметаллов» [Мельников. 2010. С.12].

Все вышеприведённые выкладки свидетельствуют о том, что пантикапейская чеканка, скорее всего, изначально была ориентирована именно на внешнюю торговлю.

⁷ Среди отечественных исследователей существует тенденция к удревнению даты начала выпуска монет-стрелок: первая половина VI в. до н.э. [Рубан. 1982. С.17] или даже самый конец VII в. до н.э. [Загинаило. 1982. С.25; Карышковский. 2003. С.218]. Тем не менее, датировка В.А. Анохина представляется наиболее взвешенной и адекватной.

Хронология возникновения монетного дела на Боспоре Киммерийском, в моём представлении, выглядит следующим образом. Автор этих строк, придерживаясь концепции о существовании «адаптационного» периода, занимающего в истории апойкий примерно 70-80 лет [Виноградов. 1999. С.106-108; Он же. 2000. С.230], отнёс данное событие на рубеж третьей - четвертой четверти VI в. до н.э. [Терещенко. 2004. С.12; Он же. 2004а. С.6]. В археологическом плане это характеризуется активизацией наземного домостроения, фиксирующей появление «физических черт типичного греческого полиса» [Цецхладзе. 1999. С.86]. Кстати, в самом Пантикапее, как отмечает В.П.Толстиков, урбанистическая структура формируется только в последней или, в лучшем случае, третьей четверти VI в. до н.э. [Толстиков. 1992. С.62].

Т.Н.Смекалова полагает, что пантикапейская монета могла появиться уже через 40-50 лет со дня основания полиса [Смекалова. 2005. С.253]. К сожалению, уважаемая исследовательница не указала, когда, по её мнению, был основан полис, поэтому конкретная дата в её изложении остаётся неясной.

Необходимо отметить и предположение О.Н.Мельникова, согласно которому причина и время (последняя треть 40-х гг. VI в. до н.э.) начала пантикапейской чеканки могли быть обусловлены «массовым бегством малоазийских греков» на берега Боспора Киммерийского [Мельников. 2009. С.139]. В принципе, предлагаемая версия вполне приемлема, поскольку подразумевает достаточно резкий прирост людских ресурсов. Вместе с тем, обрисованная О.Н.Мельниковым ситуация выступает только как одно из благоприятствующих условий, но, ни в коем случае, не как основная причина. В действительности нам вряд ли станет известен количественный и, главное, качественный состав этой волны переселенцев, чтобы всерьёз воспринимать их в качестве фактора, инициировавшего пантикапейскую эмиссию.

Что касается гипотезы о существовании «накопительного» периода как этапа, необходимого для создания экономического базиса, на основе которого могло возникнуть монетное дело, должен сказать следующее:

1) При определении срока «накопительного» периода использовались сведения по колониям, основанным не позднее второй половины VI в. до н.э., поскольку для сравнительного анализа данной ситуации необходимы более-менее одинаковые «стартовые» условия. Поэтому примеры таких городов, как Фурии, Тиндарис, Амфиполь и т.п., предлагаемые С.А. Коваленко и В.П.Толстиковым [Ковалёв, Толстиков. 2010. С.42, прим.88], выглядят, мягко говоря, некорректно, так как указанные полисы были выведены уже в V в. до н.э.

2) Относительно Херсонеса Таврического, на который ссылаются уважаемые оппоненты [Коваленко, Толстиков. 2010. С.42, прим.88], замечу, что, согласно исследованиям Ю.Г. Виноградова и М.И.Золотарёва, Херсонес был выведен гераклеотами и делосцами в последней трети VI в. до н.э. – 528/7 г. до н.э.

[Виноградов, Золотарев. 1999. С.119-122,124]. Причем, по мнению В.М.Зубаря, это должно считаться уже «твердо установленным научным фактом» [Зубарь. 2004. С.94]. С другой стороны, Р.В. Стоянов, основываясь на археологическом и эпиграфическом материале последних лет, полагает, что греческая апойкия на Херсонесском мысу могла возникнуть не ранее второй четверти V в. до н.э. Впрочем, тут же следует замечание, что эти выводы «ни в коем случае не являются окончательными» [Стоянов. 2007. С.144]. Тем не менее, согласно замечанию автора, в первые 50-70 лет своего существования, до появления чеканки «Херсонес выполнял роль основного опорного и перевалочного пункта-порта метрополии на северном побережье Понта» [Стоянов. 2007. С.144]. Как видим, и в версии Р.В.Стоянова присутствует не менее чем полувековой срок, предшествовавший началу монетного дела.

Реальной поправкой к положению о «накопительном» этапе выступает замечание В.Л.Строкина о том, что сроки появления монетной чеканки следует отмерять не от даты основания колонии, а от момента изобретения монеты как таковой [Строкин. 2010. С.453, прим.3]. Правда, уважаемый исследователь далее пишет, что «современные специалисты относят это событие к первой половине VI в. до н.э.» [Строкин. 2010. С.453, прим.3]. Какая именно чеканка подразумевается под этим заявлением остаётся не вполне понятно, поскольку появление первых электровых монет датируется концом VII – началом VI вв. до н.э. [см., напр.: Коваленко, Толстиков. 2010. С.54].

Тем не менее, должен признать, что сроки «накопительного» периода для возникновения монетной чеканки не являются жёстко детерминированными, хотя, на мой взгляд, в колониях, основанных в VI и даже в начале V вв. до н.э., этот период должен составлять не менее полувека. Возможно, будет не лишним затронуть и тему о том, что называть *колонией*. В частности, немного отвлечёмся от боспорской темы и ещё раз обратимся к монетному делу Абдеры, неоднократно упоминавшемуся во многих нумизматических исследованиях, посвящённых ранней греческой чеканке.

Итак, известно, что Абдера была заселена теосцами, бежавшими от персов, которые под предводительством полководца Гарпага захватили их родной город около 545 г. до н.э. [Hdt. I. 168]. Прибыв во Фракию, они тут же вступили в тяжелую и затяжную войну с фракийским племенем пеонов (Pind. Рас. 2. 59-70), и, как считает Э.Грейхем, эта кампания в результате затянулась на тридцать с небольшим лет [Graham. 1992. P.49-51]. Всё это могло даже заставить теосских переселенцев «принять решение о частичном возвращении на прежнюю родину и основании новой апойкии» [Кузнецов. 2001. С.233].

При всём этом, западные специалисты единодушны во мнении, что монетная чеканка Абдеры была начата уже в 540–535 гг. до н.э. [Grose. 1926. P.117; Mau.1966. P.49-51]. Что же способствовало появлению этого феномена?

В данном случае мы располагаем сведениями, что изначально Абдера была основана клазоменцами (Hdt. I.168) в конце VII в. до н.э. [Loukoroulou. 1989. С.62]. Правда, по мнению А.Малкина, клазоменская колонизация Абдеры не удалась из-за агрессивности окружающих племен [Malkin. 1985. P.54-56]. В то же время в ходе раскопок были открыты городские укрепления, жилые дома и погребения дотеосского времени [см. Кузнецов. 2001. С.230]. Более того, из сообщения Геродота известно, что основатель города Тимесий был изгнан фокейцами, теосцы же, переселившись в Абдеру, воздавали последнему хвалу (Hdt. I, 168). Следовательно, можно предположить, что остатки клазоменского поселения чрезвычайно облегчили теосцам процесс обустройства своего нового города. Как считает М.А.Колесников, «исходя из общепринятой колонизационной практики греков, можно предположить, что неудачливые первопоселенцы влились в новую общину теосцев» [Колесников. 2003. С.74].

Еще одно немаловажное обстоятельство заключается в том, что статус Абдеры, по отношению к Теосу, определяется как колония, но насколько соответствует действительности эта характеристика? По сути дела, возникновение Абдеры вызвано совершенно иными причинами, нежели вывод всех остальных греческих колоний. История этого полиса демонстрирует нам совершенно уникальную ситуацию, поскольку в данном случае мы имеем дело не просто с переселением какой-то части общины, а с переездом города (Теоса) целиком, т.е. - поголовной эвакуацией! Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что Абдера сразу возникла как давно сложившийся полис с развитой социально-политической и отчасти сохранённой экономической инфраструктурой. Не исключено, что на момент бегства теосская община уже была готова приступить к чеканке своей монеты. Всё это не позволяет считать Абдеру обычной колонией, на которую должны были распространяться такие правила, как, например, необходимость «адаптационно-накопительного» периода.

Теперь перейдём непосредственно к абдерской эмиссии. По справедливому замечанию Д.Мэя, чеканка тяжеловесных окто- и декадрахм в Абдере была далека от нужд внутреннего рынка [May. 1966. P.2]. Отправным пунктом, на основе которого можно выяснить причины столь необычайно скорого возникновения абдерской монетной чеканки, выступает топография монетных находок. Так, например, находки абдерских монет зафиксированы во многих местах Египта: Демахур, Сакха, Бенха. Наиболее многочисленны они в кладах на территории персидской державы: в Рас-Шамра и Персеполе [May. 1966. P.3,4]. В целом же, необходимо констатировать, что основная масса фрако-македонской чеканки вообще, и абдерской в частности, направлялась в Египет и Малую Азию. Чем это было вызвано?

По мнению Д.Мэя, рацию серебра к золоту в Египте имело очень высокое, по сравнению с Грецией, соотношение – примерно 2:1. Следовательно, продажа его на египетских рынках была чрезвычайно выгодна, поэтому «нет сомнения, что в основе процветания Абдеры лежал экспорт серебряных слитков» [May. 1966. P.2, ref.2]. Всё это позволяет предположить, что еще до переселения теосцев в Абдере могли существовать некие связи между Теосом и «источниками серебра» во Фракии [May. 1966. P.2]. В таком случае, достаточно очевидно, что выбор теосцами места для поселения имел в основе явную экономическую заинтересованность. Вполне возможно, что трагические события персидского нашествия лишь подстегнули процесс проникновения во Фракию, который, вероятно, уже давно назревал.

Как писал Д.Мэй, «регулярные выпуски этих тяжеловесных экземпляров в первый период абдерской чеканки (540/35 – 520/15) и почти полное преобладание октодрахм в течение второго периода (520/15 – 492) ясно показывают успешный рост Абдеры как склада для торговли серебром и развитие его основного экспортного товара – серебряных слитков в форму, легко гарантируемую и готовую к немедленному употреблению на рынке» [May. 1966. P.2]. Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что начало монетной чеканки в Абдере не имеет никакого отношения к денежному обращению на ее внутреннем рынке. Абдерские окто- и декадрахмы, по сути своей, вероятно, представляли лишь наиболее удобную форму для торговли серебром. Весьма показательно и то, что более мелкие номиналы, такие как драхмы и оболы, предназначенные уже непосредственно для внутреннего употребления, появляются только в самом конце первого периода, т.е. – 420/15 гг., по хронологии Д.Мэя [May. 1966. P.65-66]. Следует особо отметить, что чеканились они по фрако-македонской системе, в то время как крупные номиналы выпускались по так называемой «абдерской» системе, не имеющей аналогов [May. 1966. P.5].

Таким образом, можно сказать, что чеканка Абдеры – действительно уникальный случай в истории монетного дела Греции VI в. до н.э. Вместе с тем, ее нельзя рассматривать как чеканку колонии, начинающуюся только через определенный промежуток времени, находящийся в зависимости от общих темпов ее развития. С момента своего основания положение Абдеры было ближе к положению давно сложившихся полисов, таких как, например, Афины, Коринф, Фокея, Милет и др. Кроме того, ее ранние монеты имеют мало общего с внутриволисным монетным обращением, являясь, по существу, в большей степени товаром, ориентированным на экспорт.

Однако вернёмся к Боспору. Довольно неожиданным представляется то, что в развитии монетного дела Пантикапея и Абдеры обнаруживаются некоторые параллели, а, именно: какими товарами мог заинтересовать Пантикапей своих соседей? Для варварского населения это, несомненно, вино,

ну, а для эллинов (т.е. – цивилизованных людей), наиболее вероятным выступает драгоценный металл, в нашем случае – серебро. Главным экспортным продуктом Абдеры также выступает серебро, правда, для торговли с «дальним зарубежьем».

Продолжая сравнения, отметим уже упомянутый выше фанагорийский клад раннего боспорского серебра. Что характерно, этот, самый крупный на сегодняшний день монетный комплекс найден за пределами полиса-изготовителя, как и клад абдерских монет первых выпусков.

Таким образом, ранняя чеканка Пантикапея, учитывая её совершенно индифферентный облик и большую площадь распространения, могла выступать за его пределами не только как «всеобщий эквивалент», но и как обычный товар. В то же время, учитывая постоянную ориентацию весовых норм пантикапейского серебра на статеры Кизика, данный товар мог, в случае необходимости, быть легко обменян на эту «валюту» античного мира.

Начало же пантикапейского монетного дела, как говорилось ранее, приходится, вероятно, на рубеж третьей-четвёртой четверти VI в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев. 1986.
- Анохин В.А.* Монеты – стрелки // Ольвия и ее округа. Киев. 1986 а.
- Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. СПб, Кишинева, Одесса. 1999. № 3.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. №1.
- Виноградов Ю.А.* К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΙΣΥΓΓΙΑ. Памяти Ю.А. Андреева. СПб. 2000.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. (1996–1997). М. 1999.
- Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939 - 1970 гг. // НЭ. 1974. Т. XI.
- Завойкин А.А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // Древности Боспора. М. 2009. Т.13.
- Загинайло А.Г.* Каменский клад стреловидных литых монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Зограф А.Н.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932-1934 гг. // МИА. 1941. №4
- Зубарь В.М.* По поводу «земляночного» этапа домостроительства в Херсонесе в V – начале IV вв. до н.э. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя. 2004. Вып. XI.
- Карышковский П.О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. - IV в. н.э.). Одесса. 2003.
- Коваленко С.А.* О начале монетной чеканки на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005.
- Коваленко С.А., Толстиков В.П. I.* О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. №3
- Коваленко С.А., Толстиков В.П. II.* О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010а. №4

- Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев. 2003.
- Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. М. 2001. № 4.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. Симферополь. 2001. Вып. VIII.
- Мельников О.Н. Художественный стиль и тип в архаической и классической нумизматике Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: искусство на перефирии античного мира. СПб. 2009.
- Мельников О.Н. Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира. // Stratum plus. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2010. №6.
- Смекалова Т.Н. Международная торговля зерном и появление первых монет на Боспоре // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2005. Вып. VI.
- Стоянов Р.В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. №2.
- Строкин. В.Л. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // Древности Боспора. М. 2007. Т.11.
- Строкин. В.Л. Монеты с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора. М. 2010. Т.14.
- Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI-V вв. до н.э. Диссертация канд. ист. наук. СПб. 2004. (<http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-86>).
- Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI-V вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2004а.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора. // Очерки археологии и истории Боспора. М. 1992.
- Толстиков В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.М. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // Древности Боспора. М. 2004. Т.7.
- Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН. М. 2008.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 1996. №2.
- Цеццладзе Г.Р. О греческих колониях в Северном Причерноморье в архаический период // Боспорский город Нимфей. Материалы международной конференции. СПб. 1999.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М. 1956.
- Grose S.W. Catalogue of the Mc Clean collection of Greek coins. Cambridge. 1926. Vol. II.
- Graham A.J. Abdera and Teos // JHS. №112. 1992.
- Loukopoulou L.D. Contribution a l'histoire de la Thrace Propontique Durant la periode archaïque. Athenes. 1989.
- Malkin I. What's Name? The Eponyous Foundes of Greek Colonies // Athenaeum. № 63. 1985.
- May J.M.F. The Coinage of Abdera. London. 1966.
- Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Berlin. 2004.

А.Е. Терещенко

ЩЕ РАЗ ДО ПИТАННЯ ПРО ВИНИКНЕННЯ
ПАНТИКАПЕЙСЬКОГО КАРБУВАННЯ

Резюме

Стаття присвячена критичному розбору робіт останнього десятиріччя, в яких зачіпаються питання початкового періоду пантікапейської монетної справи. Крім того, в зв'язку з загальним дослідженням проблеми появи монетного карбування у колоніях пропонується нова версія, яка пояснює надзвичайно раннє виникнення абдерської емісії, у розвитку якої, до речі, виявляються деякі аналогії з пантікапейським карбуванням. В підсумку, автор передбачає, що початок пантікапейської емісії, пов'язаний з необхідністю оплати праці дрібних виробників товарного хліба на Таманському півострові, приходить на межу третьої - четвертої чверті VI ст. до н.е.

А.Е. Терещенко

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ
ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ

Резюме

Статья посвящена критическому разбору работ последнего десятилетия, в которых затрагиваются вопросы начального периода пантикапейского монетного дела. Кроме того, в связи с общим исследованием проблемы появления монетной чеканки в колониях предлагается новая версия, объясняющая чрезвычайно раннее возникновение абдерской эмиссии, в развитии которой, кстати, обнаруживаются некоторые аналогии с пантикапейской чеканкой. В итоге, автор предполагает, что начало пантикапейской эмиссии, связанное с необходимостью оплаты труда мелких производителей товарного хлеба на Таманском полуострове, приходится на рубеж третьей-четвёртой четверти VI в. до н.э.

А.Е. Tereshchenko

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF PANTICAPAEUM COINAGE

Summary

The article focuses on a critical analysis of works of the last decade, in which questions of the initial period of Panticapaeum coinage are affected. In addition, in connection with the general study of the problem of appearance of coinage in the colonies, a new version that explains extremely early emergence of Abdera emission, in the development of which, incidentally, some similarities with Panticapaeum coinage can be found, is proposed. In the end, the author suggests that the origin of Panticapaeum emission associated with the need to pay small producers of marketable grain in the Taman peninsula falls on the eve of the third or fourth quarters of the 6th century BC.